

**«В жертву памяти твоей»
О художнике Лии Владимировне Хинштейн
(1922–2013)**

А. В. Шулгин

Summary

**«As a sacrifice to your memory»
About the artist Liya Vladimirovna Khinshtein
(1922–2013)**

A. V. Shulgin

The article by the member of the Union of Journalists of Russia and the writer A. V. Shulgin tells about his personal communication with the animalist-artist L. V. Khinshtein. Since 2022 marks the 100th anniversary of the artist's birth, the museum decided to collect the memories of those people who knew the artist personally. Time is relentless, such people are already hard to find. A. V. Shulgin donated to the museum the engraving «Soldiers of 1942 / Volunteers» (1969).

А ведь когда-то советских художников-анималистов насчитывалось больше 160. Сейчас это звучит так, словно читаешь о каких-то вымирающих животных. Но, кажется, это факт. Число настоящих художников-анималистов неуклонно сокращается, а новых имён, считай, — не появляется.

«Хочется сказать несколько слов и о большой армии художников-анималистов», — писал в 1961 году Василий Алексеевич Ватагин в книге «Московский зоопарк». Перечислив основателей, среднее поколение, заканчивал: «И, наконец, очень многочисленная группа анималистов младшего поколения. Среди них — графики В. Фролов, В. Федотов, А. Келейников, А. Эйгес, Л. Хинштейн». Ватагин из многочисленных посетителей своей мастерской выделил Лию Владимировну Хинштейн.

В какой-то момент мы очень захотели повидаться с Лией Владимировной, увидеть друг друга, познакомиться. Была она в очень преклонных годах, из дома уже не выходила. Всё чаще хворала, но свою немощ мужественно переживала, твёрдо говорила мне по телефону: «Я была ученицей Ватагина, а что это значит? Много пришлось мне рисовать в зоопарке. Рисовала и вместе с Василием Алексеевичем». Жизнь Лии Хинштейн была лишена внешних эффектов. Всё шло своим чередом, было подчинено непонятной, неумолимой логике жизни. Она родилась 28 сентября 1922 года в Бобруйске. Потом семья переехала в Оршу. В Орше Лия училась и окончила среднюю школу. Из Орши уехала в Москву поступать в Художественное педагогическое училище памяти 1905 года.

В 1941 году учёбу оборвала война. С горечью, вспоминая тяжёлые годы, на склоне дней говорила Лия Владимировна: «Многие мои товарищи давно ушли, а я всё живу»... Студенты сперва работали на земляных работах, в колхозе. А потом Лия записалась добровольцем и ушла на фронт. Оказалась в Воронеже. «Дорогая незабываемая наша подруга сороковых лет... Имена товарищей суровых лет сиянием солнца всегда будут освещать нашу душу...» — писали ей из Харькова однополчане Зина Максимова и Надя Попова.

Мне кажется необходимым привести целиком записанные журналистом Лилией Волохонской воспоминания Хинштейн: «Военкомат направил её в войска ПВО. Там, в 4-м дивизионе, почти все девушки были добровольцами. В 1942 году этот дивизион охранял Воронеж. Юные, в большинстве своём хрупкие девушки каждый вечер поднимали в небо громадные аэростаты — они мешали немцам летать в нашем небе, мешали бомбить нашу землю. Тяжкий труд выпал на долю аэростатчиц. Труд ежедневный и риск тоже ежедневный. Но с каким энтузиазмом изучали они премудрости противовоздушной обороны, параллельно, как правило, овладевая и другими военными специальностями. Лии, к примеру, приходилось бывать и связисткой. Летом фашисты произвели на Воронеж тысячи налётов. А потом началось отступление. Память художника зафиксировала чётко: дорога, по обеим её сторонам высокая пшеница, которая никогда не будет сжата, — война. Люди, исхудалые, ослабевшие, бредут по дороге... А в небе сражаются наши ястребки. Вдруг в густую пшеницу с невообразимым грохотом падает "мессер"! Под Сталинградом они прикрывали небо над Волгой. Работали под постоянный гул Сталинградской битвы. От бомб, от осколков по настоящему не прятались — бесполезно. Просто лежали в канавах, в грязи и смотрели в небо: кто кого? Вот в эти дни — в землянке, в чистом поле, а то и в канаве — рисовала Лия своих боевых друзей. Чёрный карандаш да клочки бумаги — всё, что удалось раздобыть. За годы войны создалась некая графическая летопись — документ эпохи. Лица однополчан, обыкновенных людей, спасших мир, страну. Впрочем, двадцатилетние не все. Вот, к примеру, повар Куприянов. "Наш старик Куприяныч", — ласково называли его девчата, а было ему... чуть за сорок!

Вера Каптур. "С Верой мы были тесно связаны, долго служили вместе на 75-м посту, — вспоминает Лия Владимировна, — ели из одного котелка. Дружим и сейчас, регулярно переписываемся, она в Белой Церкви живёт".

Связистка и санинструктор Анечка Мельникова изображена за работой. "Она была красивая, добрая, отзывчивая, но, — вздыхает Лия Владимировна, — её уже нет. Время может как-то залечить раны, но не память. Хотя, — задумывается Лия Владимировна, — вот забыла же я, как звали нашего моториста, но его самого хорошо помню".

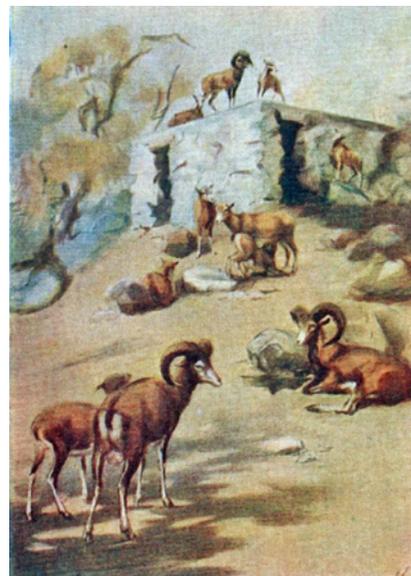
Связистка Катя Пикулина из 3-го отряда всегда вспоминается на линии связи. Казалось, она постоянно была за работой, неизвестно когда и отдыхала.

"А вот симпатичный солдат, который пришёл к нам с важным донесением, имя своё, — улыбается Лия Владимировна, — нам, девушкам, почему-то не донёс. Помню, я его быстро нарисовала и, говорили, получился он такой, как в жизни. Где он сейчас? Жив ли?"...

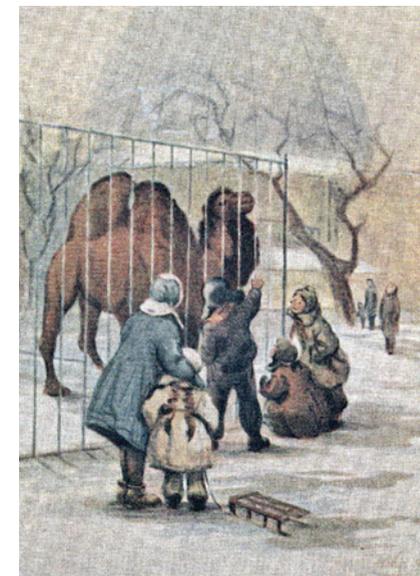
С моими дорогими друзьями москвичами-однопольчанами мы регулярно встречаемся, а ещё чаще разговариваем по телефону. Мой дом открыт для них в любое время дня и ночи. Мы до конца дней своих родные люди. После великой Победы на первый курс Московского института прикладного искусства вернулись с фронта только двое: Лия Хинштейн и Олег Чистяков.

Двое вернулись живыми. Приехав в Москву, Лия Хинштейн принята на первый курс Московского института прикладного и декоративного искусства (МИПИДИ), где она проучилась до 1951 года. Её учителями были А. Н. Дружинин, А. Н. Гладков, Г. П. Дементьева. Институт окончила с отличием по специальности «Художественная керамика». Хинштейн рекомендовали в аспирантуру Академии художеств. Но в стране началась борьба с космополитизмом, и советскую еврейку Хинштейн в аспирантуру не взяли.

Ей помог Ватагин, позвавший Лию Владимировну рисовать в мастерскую наглядных пособий для Московского университета на Ленинских горах. Василий Алексеевич Ватагин — святое имя для русской анималистики и художников этого жанра, замечательный художник и великий скульптор. Скольким он дал путёвку в жизнь, скольким бескорыстно помог? Хинштейн с Ватагиным познакомились при следующих обстоятельствах. Надо сказать, что как скульптор Лия Владимировна работала мало, но её «Девушка с телёнком» понравилась Василию Алексеевичу Ватагину. Он посмотрел эскизы к диплому и пригласил Лию прийти к нему в мастерскую. Под влиянием патриарха анималистики Хинштейн создавала большие графические циклы «Медведи Валентина Филатова», «Советский цирк», «Цирк на Цветном бульваре» и «Наш цирк 80-х». Как он относился к молодой коллеге, показывает одна история. «"Маугли" с иллюстрациями Ватагина, — моя настольная книга. Он (Ватагин) блестяще рисовал. Я помню, как он по памяти нарисовал сумчатого тушканчика, начав с лапки одним контуром, и завершил той же лапкой. Однажды я провинилась. Придя в его мастерскую, с восторгом "уткнулась" в незаконченный лист с обезьянками для какого-то издательства. Василий Алексеевич предложил мне закончить его. Я нарисовала не только обезьяну, но и растительность, которой на земле сроду не было. Василий Алексеевич изумился и расстроенным голосом сказал: "Ведь теперь скажут — с ума сошёл Ватагин". Я убежала домой и долго боялась приходить... Я увлекалась многим, захотелось рисовать детишек, похожих

Л. В. Хинштейн. Муфлоны. 1958
Открытка из собрания
А. В. Шульгина

Л. В. Хинштейн. Уголок Московского зоопарка. 1958. Открытка из собрания
А. В. Шульгина

на маленьких зверушек, понравился городской пейзаж. Василий Алексеевич терпеливо ждал, когда я вернусь к анимализму. В книге «Московский зоопарк» (1961) я увидела себя вписанной в группу анималистов младшего поколения и, конечно, вернулась».

С 1955 года Лия Владимировна начала участвовать в выставках. В 1960-м году Лию приняли в Союз художников. Порой думаешь: почему так мало известно о деятельности Хинштейн в 50-е, 60-е, 70-е годы? После сталинской компании борьбы с космополитизмом какая-то «пружина» сжалась. Человек волевой, Лия Владимировна сумела закрыться и не горела желанием перед каждым раскрывать душу. Тем более работы хватало: открытки, эстампы для художественного комбината. Этих заработков вполне хватало для скромного существования и продолжения работы. Смотришь: сохранились открытки на тему «Зоопарк». Интересующиеся искусством зрители неплохо знают листы Лии Владимировны, посвящённые Цирку на Цветном бульваре. Встреча в 1975 году с дрессировщиком Валентином Ивановичем Филатовым дала новый импульс творчеству. Филатов работал с медведями. «Там были такие малыши, что на них надевали трусики, и они тузили друг друга в боксёрских перчатках. Но в цирке отношение к животным строже. Помню, как я рисовала дрессировку носорога Серёжи. Это было в 1980 году,

перед Олимпиадой. Дрессировщик Сарват Бегбуди никого не пускал на репетиции. Я была удостоена этой чести и наблюдала всю «кухню» дрессировки. Серёжу долго уговаривали встать на помост. Наконец он понял, что ему нужно поднять одну ногу, потом вторую и подняться. Однако лучше всего сами животные понимали друг друга. Там была маленькая обезьянка Маська. Она сидела на Серёже, и он её понимал лучше. Её слушались все животные. И на всю сцену с высоты своего величия смотрел жираф».

Лия Владимировна работала и в уголке дедушки Дурова. «В уголке Дурова я разговаривала с барсуком. Он всё понимает, а поросята — те же дети. Когда рисуешь, возникают некие биотоки между животным и человеком. Я помню, как разглядывал меня медведь, в упор, даже рот раскрыл. Его реакция была похожа на человеческую. Вспоминаю то время, когда уголок был только в стадии строительства. Я пристроилась рисовать на навозной куче — оттуда хорошо было видно. Чувствую, как кто-то встал у меня за спиной и тепло дышит прямо в лицо. Это был молодой верблюд. Постояв некоторое время и, вероятно, привыкнув ко мне, он вытянул шею и стал медленно подбираться к моим сергам. Рисование было забыто. Я только видела перед собой красивые тёмно-карие, почти чёрные, глаза с пушистой каймой длинных ресниц и бархатистые подвижные губы... Козы, собаки, лисы, поросята — это те животные, с которыми можно разговаривать. Когда я рисую лисичку и прошу у неё лапу и говорю ей: "Подумаешь, ты хитрая, а я ещё хитрей". Лапу не даёт, но реагирует», — делилась своими размышлениями Хинштейн.

Оформляла художница книги. Делала Лия Владимировна рисунки и гравюры с животными, птицами, есть листы, посвящённые «Уголку имени В. Л. Дурова». С 1950-х годов участвовала она в выставках, но только в 1983 году в Центральном доме работников искусств (ЦДРИ) с успехом прошла персональная выставка Хинштейн. От непризнания до признания у Лии Владимировна лежали годы. Зрителям нравились её работы, а с наградами было туго. Другие герои были в России. Только в 2000-м году ей присвоили звание Заслуженного художника России. Но разве в наградах дело? Всё она делала из любви к искусству, помня слова своего учителя В. А. Ватагина: «Много необходимого получает и отнимает у животного человек, но он редко помнит и сознаёт, что животное не только кусок мяса или физическая сила, что в его руках живое существо, покорно переносящее насилие, глубоко чувствующее всякое доброе отношение к нему и отвечающее человеку чувством привязанности, глубокой преданности, чувством любви».

Прошедшие ужасы войны умели любить жизнь, людей и природу. Лия Владимировна Хинштейн умерла в Москве в 2013 году.

Что касается моих личных встреч, хотелось бы мне подумать, как об этом рассказать? Но как передать восторг? Вернее всего — междометия-

Л. В. Хинштейн. Солдаты 1942-го / Добровольцы. 1969
Гравюра. Дар А. В. Шульгина

ми. Но от рассказа о художнике никуда не деться. Но пусть это случится в скором будущем.

* * *

От редактора Н. И. Трегуб

В своём письме член Союза журналистов России, литератор Алексей Владимирович Шульгин передал в дар музею гравюру Л. В. Хинштейн. На гравюре на картоне как барельеф изображены идущие люди в военной форме. По условным силуэтам мы видим и мужские, и женские фигуры. Это один из отпечатков работы «Солдаты 1942-го / Добровольцы» (1969), ещё один отпечаток хранится в Музее современной истории России. У фигур на гравюре рубленный обобщённый силуэт, они идут, как призраки. А как им идти? Тридцать лет прошло, кто-то погиб, иные постарели. Люди-призраки — выразительный художественный образ. В моём представлении, чёрно-белое исполнение максимально точно отображает то, что происходило в 1942 году. В ней мало деталей, но я всё в ней вижу — и контрнаступление, и Сталинградскую битву, и «ни шагу назад». Эту работу музей планирует представить на выставке и передать в фонды изобразительного искусства ГДМ. Благодарим А. В. Шульгина за столь щедрый дар.